

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ЭКЗОЦЕНТРИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Немецкий язык, отличаясь любовью к словосложению, предоставляет носителю языка возможность порождать почти бесчисленное количество наименований, которые состоят из двух и более семантически полнозначных компонентов. Порождаемые таким образом имена не однородны по своим структурно-семантическим характеристикам. Так, выделяют детерминативные композиты, члены которых связаны подчинительными отношениями, где один компонент уточняет второй: *die Heilpflanze* ‘лекарственное растение’, *der Papierkorb* ‘корзина для бумаг’. И копулятивные сложные слова, между компонентами которых устанавливаются сочинительные отношения: *der Dichterkomponist* ‘поэт-песенник’, *gelbgrün* ‘желто-зеленый’. Однако в результате словосложения формируются единицы, структурно-семантические характеристики которых представляют определенные трудности при анализе.

Сложные слова типа *der Dickkopf* ‘упрямый человек’ традиционно обозначаются такими терминами, как экзоцентрические композиты, бахуврихи или посессивные композиты, и противопоставляются детерминативным и копулятивным композитам. Однако не все лингвисты соглашались с таким противопоставлением. Так, В. Фляйшер подчеркивает детерминативный характер экзоцентрических композитов, поскольку отношения компонентов внутри синтагмы *das Langbein* ‘длинноногий человек’ и синтагмы *die Langdistanz* ‘длинная дистанция’ по сути идентичны. Различия пролегают в ином, денотативном, измерении: если существительное *die Langdistanz* все еще обозначает дистанцию, то композит *das Langbein* обозначает не ногу, а человека с длинными ногами и может быть отнесен к застывшим конструкциям *pars pro toto*.

С данным мнением можно согласиться: по характеру отношений между конституентами экзоцентрические композиты действительно могут быть отнесены к детерминативному типу, однако необходимо оговорить их особый статус, поскольку для словообразовательного анализа представляется небезразличным, может ли последний член композита фигурировать в синтаксической перифразе в качестве ядра или нет, ср.: *der Rotwein* ‘красное вино’ – *Wein, der rot ist* ‘вино, которое является красным’, *die Rothaut* ‘краснокожий, индеец’ – *jemand, der rote Haut hat* ‘кто-либо, имеющий красную кожу’.

Сопоставление данных перифраз демонстрирует различия между детерминативными и экзоцентрическими композитами. Во второй перифразе появляется новый компонент-ядро, не представленный в структуре композита. Последний же член композита *Haut* включается в описательную часть конструкции. В этой связи, говоря о семантической функции последнего компонента экзоцентрических композитов, нельзя не отметить его двойственный характер: несмотря на то, что эта единица представлена именем существительным, значение предметности размывается. В результате экзоцентрические композиты по своим функциям приближаются к именам прилагательным. Именно эта вторичная семантическая функция, согласно Е. Куриловичу, и является тем маркером, который отличает экзоцентрические композиты от композитов эндоцентрических.

На носителя признака, имплицитно представленного в экзоцентрических композитах, иногда может указывать суффикс *-er* в таких сложнопроизводных существительных, как: *der Dickhäuter* ‘толстокожее (животное)’, *der Linkshänder* ‘левша’. Примечательно, что с точки зрения семантики такие единицы составляют неоднородную группу. Существительные типа *der Dickhäuter*, как и все экзоцентрические композиты без аффикса *-er*, имплицитно посессивные отношения – между признаком и носителем признака. Однако по этой же модели образуется ряд сложных существительных, которые актуализируют, например, **инструментативные** отношения: *der Linkshänder* ‘левша’ – тот, кто **пользуется** левой рукой, а не тот, у кого есть левая рука; **объектные** отношения: *der Falschmünzer* ‘фальшивомонетчик’ – человек, **производящий** фальшивые монеты, а не обладатель фальшивых монет. Поэтому если существительные типа *der Dickhäuter* ‘толстокожее (животное)’, *der Vierbeiner* ‘четвероногое (животное)’ можно отнести к посессивным композитам, то в отношении слов *der Linkshänder* ‘левша’, *der Falschmünzer* ‘фальшивомонетчик’ и т.п. поступить так было бы неправомерным. Соответственно, в сравнении с термином «экзоцентрические композиты» термин «посессивные композиты» явно уже по своему содержанию.

Различаются анализируемые композиты и тем, что существительные без словообразовательного аффикса иногда допускают двоякую интерпретацию: единица *der Spitzbart* может служить наименованием как для самой острой бородки, так и для человека с такой бородой. В таком случае, по-видимому, можно говорить уже не только о словосложении, но и о семантической деривации, вследствие которой в семантической структуре композита появляется новое значение – наименование лица. Словопроизводные единицы с аффиксом *-er* используются только для номинации носителя признака.

Объединяет же экзоцентрические композиты обоих типов реализация ими одновременно двух типов семантических отношений. Как известно, в деривационных процессах человек, порождая наименования, опирается на такие ассоциативные механизмы как сходство и смежность, что находит отражение в симилиативных, гиперо-гипонимических или импликационных

семантических связях между производящей базой и новым наименованием. Однако в экзоцентрических композитах, в отличие от большинства производных единиц, реализуется сразу два типа связей.

Обратимся к композитам и сложнопроизводным словам, образованным от наименований частей тела: *der Plattbauch* '(зоол.) стрекоза плоскобрюхая' (< *der Bauch* 'живот'), *das Rotauge* 'плотва' (< *das Auge* 'глаз'), *das Langbein* 'длинноногий человек' (< *das Bein₂* 'нога') и аффиксальными производными *der Dickhäuter* 'толстокожее (животное)' (< *die Haut* 'кожа'), *der Vierbeiner* 'четвероногое (животное)' (< *das Bein₂* 'нога') и др. С одной стороны, эти единицы связаны с производящими базами гиперо-гипонимическими отношениями: первый компонент определяет, уточняет второй компонент композита (*platter Bauch* 'плоский живот', *rotes Auge* 'красный глаз', *langes Bein* 'длинная нога'). С другой стороны, осуществляется опора на импликационную связь, или смежность, когда животному или человеку как целому предцируется описываемая часть тела. Вероятно, такая двойная опора избавляет от необходимости называть носителя признаков и составляет специфику экзоцентрических композитов.

Порождение экзоцентрических композитов связано и с другими когнитивными выгодами для именуемого субъекта. Сослаться на некоторые признаки объекта, достаточные с точки зрения говорящего для идентификации, – это простой и экономичный способ назвать данный объект (в большинстве случаев цель такой номинации – люди, животные и растения). Экзоцентрические композиты метонимичны по своей природе, а метонимию многие исследователи характеризуют как категорию ассоциативного, интуитивного, спонтанного мышления, которая обеспечивает быстрый переход от источника к цели номинации.

Таким образом, двойственность экзоцентрических композитов в семантическом аспекте проявляется на уровне когнитивных опор, используемых говорящим при порождении нового наименования, и находит отражение в признаковом характере данных сложных слов.